

Полчаса спустя Фу Мянью только-только устроился в постели, как снаружи снова донесся стук.

— Брат, открой дверь, ну открой дверь...

— ...

Этот несносный мальчишка был словно заведенный – посреди ночи устроил такую суматоху.

Впрочем, когда Фу Мянью всё-таки поднялся с кровати и распахнул дверь, перед ним снова предстал Тао Лэян: он сжимал в руках свою игрушку и смотрел на него снизу вверх с самым невинным и послушным видом.

В следующую секунду Тао Лэян широко улыбнулся, сверкнув белыми зубками:

— Не ожидал? Я только что притворился спящим и обманул тётку!

И ведь гордился же собой.

Фу Мянью уже собирался захлопнуть дверь перед его носом, но Тао Лэян молниеносно ухватился за край его одежды:

— Брат, обещаю, я не буду тебе мешать!

Он соединил большой и указательный пальцы, оставив между ними крошечный зазор размером с ноготок, и осторожно добавил:

— Мне нужно совсем капельку места на кроватке, умоляю тебя...

Фу Мянью какое-то время пристально разглядывал большие, хлопающие глаза Тао Лэйяна и его часто подрагивающие длинные ресницы.

Больше он ничего не сказал. Только молча развернулся и ушёл к себе в комнату, но дверь закрывать не стал.

Тао Лэян сразу понял, что Фу Мянью смягчился, и тут же радостно засеменил следом за ним.

В комнате Фу Мянью царил идеальный порядок. Здесь не было никаких инфантильных мультяшных элементов, зато целую стену занимали собранные наборы Лего, а на прикроватной тумбочке высились стопки оригинальных книг на английском и немецком языках.

Раньше Тао Лэян всегда считал, что Фу Мянью просто выпендривается - и занимался он этим с самого детства.

Но тот действительно во всём этом разбирался, и от этого становилось ещё обиднее.

Кровать была довольно высокой. Как раз в тот момент, когда Тао Лэян собрался на неё взобраться, Фу Мянью снова отдал приказ:

— Замри.

Тао Лэян послушно застыл и растерянно посмотрел на него.

Фу Мянью скрестил руки на груди и перевёл взгляд на игрушку в его руках:

— Этой свинье на кровать нельзя.

Услышав это, маленький Тао Лэян тут же погрузился. Для него было немыслимо лечь спать и не обнять Тао Мэйли. Да будь ему хоть восемьдесят лет, даже когда он окончательно двинет кони, Мэйли обязана лежать с ним рядом в гробу!

— Ну почему? Свинка ведь не умеет разговаривать, она не будет тебе мешать...

— Исключено.

То, что Фу Мянэ позволил Тао Лэяну занять край постели, уже было его величайшей уступкой. Пустить на кровать эту вонючую и грязную свинью он не согласился бы ни за что на свете.

Тао Лэян тяжело вздохнул:

— Ладно.

Он усадил свинку на прикроватную тумбочку, после чего, активно помогая себе руками и ногами, влез на кровать и улёгся в самом углу, поближе к тумбочке.

Тао Лэян свернулся в крошечный калачик и, стараясь быть как можно ближе к Тао Мэйли, вытянул маленькую ручку, чтобы ухватиться за свиное копытце.

— Спокойной ночи, брат.

Время близилось к одиннадцати вечера. Сказав это, в край измотанный Тао Лэян медленно закрыл глаза и провалился в глубокий сон.

На всё про всё ушло меньше минуты.

Качеству его сна позавидовала бы любая настоящая свинья.

Кровать была огромной – на ней без труда поместились бы и десять детей, но Тао Лэян сдержал слово и послушно занял лишь самый краешек.

Фу Мянэ ещё какое-то время смотрел на крепко спящего ребёнка. И дядя Ци, и домашняя прислуга, и няня – все в один голос твердили, что Тао Лэян невероятно красивый и милый мальчик.

По мнению Фу Мянэ, ничего особенного.

Фу Мянэ равнодушно отвёл взгляд, обошёл кровать с другой стороны и лёг спать.

Он спал один с трёхлетнего возраста, и сейчас, когда в его постели оказался другой ребёнок, ему было по-настоящему непривычно.

Выставлять его за дверь теперь уже поздно.

Ладно, только на одну ночь.

Фу Мянэ выключил свет и закрыл глаза.

В комнате воцарилась темнота.

Двое детей лежали по разным краям: один на самом левом, другой на самом правом. На свободном пространстве между ними легко поместилось бы ещё несколько свиней.

На следующее утро няня пошла будить Тао Ляяна, но обнаружила, что его в комнате нет. Она в панике обыскала полдома, но мальчик словно сквозь землю провалился.

— Этот ребёнок... неужели опять тайком сбежал на улицу? Ну что за егоза, совершенно не слушается!

В этот момент за её спиной, словно призрак, бесшумно вырос уже полностью одетый Фу Мянью:

— Тао Ляян в моей комнате.

Няня слегка вздрогнула от неожиданности, но, отбросив лишние мысли, поспешила в комнату молодого господина.

Войдя, она увидела крошечный силуэт, свернувшийся на краю огромной кровати.

Одеяло прикрывало лишь животик Тао Ляяна. Сам он спал, раскинув руки и ноги во все стороны, и мерно дышал – со своим пухлым личиком он сейчас выглядел невероятно послушным.

Точно пробрался сюда ночью, стоило ей уйти.

Но то, что Фу Мянью позволил этому ребёнку остаться в своей комнате, было настоящим чудом.

Несмотря на юный возраст, молодой господин Фу обладал очень зрелым и уравновешенным характером – вёл себя как маленький взрослый и во всём досконально разбирался. Вся прислуга в доме Фу не смела относиться к этому восьмилетнему мальчику без должного почтения.

— Сяо Ян, пора вставать, нужно собираться в детский сад.

Няня выудила сладко спящего Тао Ляяна прямо из постели.

Чистка зубов, умывание, переодевание – непрерывно зевая, мальчик послушно сел за стол в малой столовой, куда няня привела его за ручку завтракать.

Фу Цзунчэн тоже был там. Фу Мянью сидел рядом с отцом; оба молча и спокойно завтракали, нарушая тишину лишь тихим перестуком фарфоровой посуды.

Фу Цзунчэн был видным мужчиной и выглядел от силы на тридцать с небольшим, хотя на самом деле ему уже исполнилось сорок пять – сын у него родился довольно поздно.

Разумеется, отношения между отцом и сыном нельзя было назвать близкими.

Что касается матери Фу Мянью, Е Цинхэ, то она была на десять лет моложе Фу Цзунчэна. В её жилах на четверть текла европейская кровь – она была потрясающей красавицей.

Вот только когда Фу Мянью исполнилось три года, родители развелись из-за несовместимости характеров.

Е Цинхэ уехала за границу и вскоре снова вышла замуж.

За все те годы, что Тао Лэян прожил в семье Фу, он видел Е Цинхэ всего несколько раз.

Свои глубокие, выразительные глаза Фу Мянью унаследовал именно от матери.

В столовой Фу Цзунчэн, увидев вошедшего Тао Лэяна, отложил столовые приборы и дружелюбно улыбнулся ему:

— Ян-ян, ты уже проснулся?

— Угу! — Тао Лэян кивнул, широко улыбнулся Фу Цзунчэну и звонко произнёс:

— Доброе утро, дядя Фу.

Сказав это, он быстро перебирая своими коротенькими ножками подбежал к Фу Мянью и с предельной серьёзностью добавил:

— Доброе утро, брат.

— Угу.

Фу Цзунчэн был немало удивлён такому поведению Тао Лэяна. Хотя он сам редко бывал дома, обо всех капризах и проделках этого мальчишки ему уже докладывали.

— Когда это наш Ян-ян стал таким послушным? Вчера вечером больше не ревел?

— Нет!

Фу Мянью было просто лень его разоблачать.

Зато дядя Ци, который как раз нёс завтрак и услышал их разговор, с улыбкой выдал ложь Тао Лэяна:

— Уж не знаю, сколько раз он там плакал, но в детском саду опять подрался с одноклассником. А как понял, что не справляется, сразу пустил слезу.

— Неправда! Я вообще-то победил!

Стоило ему это выпалить, как до ушей Тао Лэяна донёлся едва различимый, мимолётный смешок – кажется, со стороны Фу Мянью.

Он тут же повернул голову в его сторону, но выражение лица Фу Мянью оставалось неизменным, и тот с самым безучастным видом продолжал завтракать.

Но Фу Мянью точно только что посмеялся над ним!